PROJECT MUSE®

Национальное знание и
международное признание:
постсоветская академия в борьбе
за символические рынки

Елена ГАПОВА

Ab Imperio, 4/2011, pp. 289-323 (Article)

Published by Ab Imperio

DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0015>

➔ *For additional information about this article*

<https://muse.jhu.edu/article/467013>

Елена ГАПОВА

**НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ И
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ:
ПОСТСОВЕТСКАЯ АКАДЕМИЯ В БОРЬБЕ ЗА
СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЫНКИ***

Значимость текстов во многом зависит от
контекстов, в которых они функционируют...

Михаил Рыклин

Эта статья является результатом осмысления академического опыта – моего собственного и в какой-то мере моей поколенческой и “габитусной” когорты – и посвящена той стратификации в постсоветской академии, которая складывается в процессе ее присоединения к глобальному символическому рынку. Более конкретно меня интересует, как связаны между собой две группы явлений.

Во-первых, “эпистемологическое” разделение на две неявно очерченных и частично пересекающихся, но противостоящих друг другу “системы знания”. Одна из них в своем наиболее завершенном виде

* Автор выражает признательность анонимным рецензентам *Ab Imperio*.

представлена “православной” социологией и психологией в МГУ, теорией жизненных сил (университет Барнаула), “феминистской” и т.п., другая – научными дискурсами, наиболее часто исходящими от новых академических институций или ученых, получивших западное образование. Разделение между ними имеет характер принципиального непризнания компетентности противоположной стороны¹ и отказ быть на одном с ней поле (выступать на одних конференциях, публиковаться в одних изданиях и т.д.).² Парадокс, однако, состоит в том, что обе группы сертифицированы (часто одной) академией, имеют степени, звания, списки публикаций в научных изданиях, преподают в университетах, входят в составы академических советов и т.д. На основании чего, в таком случае, каждая группа настаивает на своем обладании знанием (и “незнанием” противоположной группы), т.е. в чем именно ищет основания для своей экспертной позиции? Как возможна академия, в которой отсутствует консенсус относительно того, на основании какой процедуры и каких заслуг некто признается “знающим”? Как определить, кто “знает” и кто “не знает”?

Во-вторых, изменение состава интеллектуальной группы, которой общество *доверяет* определять общественные приоритеты и ставить значимые вопросы. Когда-то писательница Мария Арбатова, характеризуя ельцинский штаб 1996 г., где работал ее муж, отметила присутствие в нем ученых: “Ворота в номенклатуру в этот момент широко распахнулись, и в них хлынули как подростки в регионах новые, не зависящие от центра лидеры, так и научная интеллигенция”.³ Десять лет спустя грузинский президент М. Саакашвили на вопрос американской журналистки, не хочет ли Путин его убить, ответил: “Это не имеет смысла. Грузия уже имеет политический класс, получивший образо-

¹ См., например: По мнению профессора Андрея Здравомыслова, “в настоящее время преподавание социологии на соцфаке МГУ идет вне мирового социологического дискурса, ориентируясь на консервативный и изоляционистский подход”. Прокламируемую Добренковым ориентацию... Здравомыслов назвал “мракобесием”. Добренков, Владимир Иванович // Википедия. <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

² См, например, полемику в отношении очередного Социологического конгресса: “...они никогда бы не согласились принять участие в подготовке мероприятия, в числе руководителей которого фигурирует лицо, уличенное в плагиате, а также иные господа, носящие высокие академические титулы, имеющие сомнительное отношение к социологической науке...” Социологический партерзактив. Интервью с руководителем “Левада-центра” Львом Гудковым // ПОЛИТ.РУ 6 июня 2011. <http://www.polit.ru/science/2011/06/06/marazm.html> (последнее посещение 30 июля 2011 г.).

³ М. Арбатова. Как я честно пыталась попасть в Думу. Москва, 2003. С. 9.

вание на Западе”.⁴ Очевидно, что *знание*, которое общество оценивает столь высоко, что доверяет его носителям играть роли “моральных арбитров и культурных судей”, выражаясь словами Зигмунта Баумана, изменилось. Социальный престиж носителей “западного” знания вырос одновременно с делигитимацией “советского”.

Далее я предполагаю рассмотреть, каким образом борьба между носителями “старого” (“советского”) и “нового” знания за доминирование на поле академического производства, происходящая в контексте выхода на всемирный символический рынок, связана с беспокойством академических интеллектуалов относительно своей позиции за рамками академии – в постсоветской социальной иерархии. Если структура академии воспроизводит в рамках и средствами академической логики социальную иерархию и структуру поля власти,⁵ может ли быть так, что беспокойство ученых о социальном признании находит выражение в их требованиях академической (профессиональной) автономии, т.е. попытке утвердить свой статус, отстояв – по западному образцу – независимость своей профессиональной корпорации?

Чтобы ответить на эти вопросы, я намереваюсь показать, что противостояние между академическими сообществами, сфокусированное на якобы внутренних проблемах: новых научных областях, статусе негосударственных исследовательских структур, “ваковских” журналах, списках публикаций при защите, содержании учебных программ, отношении к плагиату и т.п., – является “классовой борьбой” групп, различающихся возможностями доступа к престижным интеллектуальным и материальным ресурсам и претендующих на различные общественные позиции. Члены этих сообществ, оперируя в значительной степени различными научными парадигмами, находят легитимацию своего знания в различных социальных структурах – ведь знание является “подчиненной” формой капитала, и добиться его признания в качестве “истинного” можно, только опираясь на реальную социальную силу. Таким образом, с одной стороны, находится академия, которая продолжает “советскую” модель производства знания и опирается на ее теоретическое наследие и ресурсную базу и административные позиции своих членов. На какое-то время потеряв статус и влияние, она пытается восстановить их с опорой на государство и под его контролем, видя в этом источник собственной легитимности. Иллюстрацией

⁴ Deborah Solomon. An American Friend. Questions for Mikheil Saakashvili // New York Times Magazine. 2008. Oct. 17. P. 8.

⁵ Pierre Bourdieu. Homo Academicus. Stanford, CA, 1988. P. 24.

этой позиции может быть отношение к вмешательству Министерства образования в содержание курсов:

Не понимаю, каким образом соответствие министерским программам ограничивает преподавателя? Программа одна на много лет. Курс лекций каждый год изменяется, темы и изменения записываются в рабочую программу. Пожалуйста, преподавайте!⁶

По другую сторону находится “новая” академия, ориентированная на международные модели воспроизводства знания – как на обращение к “несоветским” теориям, легитимированным западной академией, так и на автономный экспертный статус самих производителей знания (названия “новая” и “традиционная” условны). Этот статус кодируется в понятиях коллегиальности и солидарности, университетской автономии и академической независимости, в требовании “не должно быть единого методического центра или вообще единых программ управления преподаванием социологии”⁷: преподаватели сами решают, как строить учебную программу, так как они *знают*. Эта когорта рассматривает государственное вмешательство не только как ограничение профессиональной свободы, но и как узурпацию исключительного права “академиков” быть носителями научной истины, что подрывает их социальный статус. Таким образом, мой главный тезис состоит в том, что это противостояние является выражением *беспокойства постсоветских интеллектуалов относительно своего статуса в системе социальной стратификации, запущенной распадом социализма*. После исчезновения “руководящей” структуры (КПСС), которая обладала эксклюзивным правом выносить вердикт истинности, вопрос о том, в чьей власти теперь определять для общества научную истину, – это вопрос о социальном статусе производителей знания, о том, какие позиции в социальной структуре – автономные или подчиненные – они будут занимать. Я собираюсь показать, как противостояние академических элит, апеллирующих к различным легитимирующим институтам (либо “западной академии”, либо государству), реализуется в системах производства знания в Беларуси и России.

⁶ Запись в блоге (автор – преподавательница государственного университета): euga.livejournal.com (последнее посещение: 30 июля 2011 г.).

⁷ Социологический партхозактив. Интервью с руководителем “Левада-центра” Львом Гудковым.

Методологические замечания и основные понятия

Дальнейший текст посвящен анализу института, в рамках которого находится автор и который определяет (социологические) основания авторского анализа. Если наблюдение за собой как исследовательская стратегия методологически проблематично в принципе, то здесь “объектом исследования становится именно тот институт, который был социально лицензирован действовать в качестве инструмента объективации претензий на объективность и универсальность”.⁸ Однако такое вопрошание вызвано необходимостью рефлексии своих методологических оснований и контекстуализации собственной исследовательской позиции: осознание горизонтов научного поля и своей “точки говорения” внутри него позволяет понять интересы теоретизирования. Согласно П. Бурдьё, вопрошание в отношении “форм классификации”, используемых классификатором, и нахождение в социальных структурах академического мира источника категорий профессионального (социологического) понимания⁹ служит освобождению от исследовательского нарциссизма и продвижению к объективности. Применение к себе тех же форм анализа, которые обычны в отношении внешней ситуации, вскрывают социальные основания теоретизирования, в результате чего “желание (по)знать” вскрывается как особый вид властного отношения, как желание “властвовать”, контролируя научную истину, – в чем исследователи избегают признаваться даже самим себе. Однако без осознания этой “воли к власти” невозможна деконструкция “экзистенциальных” интересов “знающих”.

Главным теоретическим понятием для последующего анализа является эпистемологический капитал. Известно, что представлением о различных видах капитала мы более всего обязаны П. Бурдьё, который считал их ресурсом для обеспечения социальной мобильности и, таким образом, для конструирования неэкономической дифференциации. Согласно Э. Валлерстайну, капитал является способом хранения накопленного успеха в любой области,¹⁰ и поэтому можно говорить о культурном, политическом, символическом, административном, семейном капитале и т.д. В этом тексте вводится понятие эпистемологического капитала, т.е. социального признания, связанного с обладанием “осо-

⁸ Bourdieu. *Homo Academicus*. P. xii.

⁹ Ibid.

¹⁰ Georgi Derluigan. *Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus. A World-Systems Biography*. Chicago and London, 2005. P. 132.

бым”, а потому ценным знанием, и делается попытка использовать его при анализе постсоветской академии. В системе социальных обменов эпистемологический капитал является особым социальным отношением, в рамках которого производители знания получают власть и статус. Однако знание, как указывает Г. Эйял,¹¹ представляет собой подчиненную, “неавтономную” форму капитала: обладание им само по себе не дает социального продвижения, а потому требует особых стратегий для получения его общественного признания. Оно не только должно быть превращено в редкий, а потому ценный товар – его носители должны доказать свою “монополию” в обладании им, и в этом тексте предлагается анализ того, как это происходит в постсоветской академии.

Вторым необходимым понятием является “новый класс”, выделяемый на основании обладания знанием как видом капитала, что дает возможность связать знание с формированием групповых интересов его носителей и соответственно с претензиями на особую социальную позицию. Известно, что впервые понятие “нового класса” было введено родоначальником анархизма М. Бакуниным, который предположил, что революционные марксисты, объявившие себя авангардом пролетариата, движимы “интересом” заменить привилегию, основанную на частной собственности, привилегией, основанной на монополии на знание.¹² Начиная с работ Т. Веблена 1930-х гг. под “новым классом” понимались технократия и бюрократия, ставшие влиятельными вследствие потребности растущих корпораций в компетентных управленцах.¹³ Современные теории “нового класса” начали формироваться в 1970-х гг. в ответ на трансформацию промышленной экономики Запада в экономику информационную. Как полагали Д. Белл и А. Гульднер, в “экономике знания” ученые являются обладателями особого – экспертного – капитала, а так как в постиндустриальном обществе наука приоритетна, то производители знания, осознав свое коллективное преимущество, претендуют на особый статус, т.е. автономию. Являясь модернизационным “проектом

¹¹ Gil Eyal. *The Origins of Postcommunist Elites. From Prague Spring to the Breakup of Czechoslovakia*. Minneapolis, London, 2003. P. 4.

¹² Lawrence King and Ivan Zselenyi. *Theories of the New Class. Intellectuals and Power*. Minneapolis, 2004. P. xvii.

¹³ Милован Джилас применил эту модель к социализму, назвав “новым классом” бюрократию, ставшую новым правящим “классом” государственного социализма и получившую особые привилегии. Эта трактовка подверглась критике в советских социальных науках. См.: Milovan Djilas. *The New Class: An Analysis of the Communist System*. New York, 1957.

развития”¹⁴ и обладая широкой системой научных и образовательных учреждений, социализм создал значительное образованное сословие. Когда венгерский социолог И. Селени (*Ivan Zselenyi*) проанализировал его положение, он обнаружил, озаглавив свою знаменитую книгу *The Intellectuals on the Road to Class Power* (1979), что при декларированной диктатуре пролетариата именно интеллигенция (а не рабочие) обладала рядом закрепленных привилегий. Рассмотрев позднее общественные дискуссии вокруг реформ 1960-х гг. в социалистическом лагере, он оценил их как попытку интеллигенции отстоять для себя особую роль в определении общественных приоритетов. Так, в основе дискуссий Пражской весны о социализме с человеческим лицом и способах его гуманизации лежали групповые интересы образованного сословия, понимавшего “истинный” социализм как рациональный, научно обоснованный порядок, более предпочтительный, нежели стихийный рынок. Таким образом, идеологизированной волюнтаристской политике партийной бюрократии противопоставлялось рациональное руководство, основанное на кибернетике и науках об управлении,¹⁵ а интеллигенция делала заявку на ограничение бюрократической власти¹⁶ и на особую роль в определении путей общественного развития именно на основании обладания знанием.¹⁷ При анализе стратегий, направленных на занятие престижной социальной позиции постсоветскими производителями знания, концепт “нового класса” может служить теоретической моделью, позволяющей понять формирование общего интереса “знающих”.

“Новая” академия и реконверсия интеллектуального капитала

Непосредственным импульсом к написанию этого текста стала реакция местных академических сообществ на (временное) закрытие Европейского университета (ЕУ) в Санкт-Петербурге в 2008 году и Европейского гуманитарного университета (ЕГУ) в Минске в 2004

¹⁴ Derlugian. Bourdieu’s Secret Admirer in the Caucasus.

¹⁵ Egle Rindzeviciute. Constructing Soviet Cultural Policy. Cybernetics and Governance in Lithuania After World War II. [Linköping Studies in Arts and Science No. 437. Nema Q (Cultural Studies)]. Linköping, 2008. Pp. 111-149.

¹⁶ Очевидно, спор “физиков” и “лириков” представлял собой переговоры о социальном первенстве между различными фракциями интеллигенции. См., напр., К. Богданов. Физики VS лирики: к истории одной “придурковатой” дискуссии // НЛЮ. 2011. № 11. <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/11/ko7.html>.

¹⁷ King, Zselenyi. Theories of the New Class. Pp. 69-90.

году.¹⁸ В то время как зарубежные ученые активно выражали корпоративную солидарность с коллегами,¹⁹ российская и белорусская академии продемонстрировали “полное отсутствие публичных выступлений со стороны так называемых братьев по цеху из государственных и ‘негосударственных’ вузов”.²⁰ В поддержку ЕГУ было составлено единственное письмо, подписанное 28 российскими академиками, в защиту ЕГУ в Беларуси – ни одного, и даже ходили слухи, что “...когда прошла весть о закрытии ЕГУ, на факультете философии БГУ (Белорусский государственный университет. – Е.Г.) в торжественной обстановке распили бутылку водки”.²¹

Либеральная публика, трактуя произошедшее как гражданскую незрелость, отсутствие корпоративного духа и “элементарной классовой солидарности”,²² не обратила внимания на очевидное противоречие. С одной стороны, ожидаемая коллегиальность виделась “пострадавшими” как общечеловеческая “чувствительность к боли и унижению других, незнакомых нам людей. Это близость к страдающему, братство с человеком, испытывающим боль по вине другого человека”.²³ С другой стороны, сочувствие должно было стать катализатором политического действия, исходящего из корпоративного интереса и направленного на решение конкретной задачи – превращение академии в независимую от государства структуру, когда

именно усилиями такого рода сообществ... в Беларуси удастся преодолеть тот рабский непрофессионализм, который господствует почти во всех сферах подконтрольной государству жизни

¹⁸ В 2004 г. после продолжительных переговоров с Министерством образования о содержании курсов и кадровом составе ЕГУ был уведомлен Администрацией президента, что в связи с государственными нуждами у него изымается одно из двух арендуемых зданий. Затем в связи с отсутствием требуемого количества квадратных метров на студента у университета была отозвана лицензия и велено в течение двух недель освободить помещение. С 2005 г. ЕГУ аккредитован в Литве при поддержке Евросоюза.

¹⁹ Среди европейских интеллектуалов, подписавших письмо в защиту ЕГУ, был Юрген Хабермас.

²⁰ А. Лаврухин. Гегель, любовь к мудрости и корпоративная этика в широком смысле // Топос. 2005. № 1. С. 10.

²¹ Там же.

²² Я. Грыль. Как егукнется, так и откликнется // Белгазета. 2004. № 30 (447); а также: http://www.belgazeta.by/20040802_30/020112210 (последнее посещение 28 июня 2010 г.).

²³ О. Шпарага. Политическая топография Беларуси: солидарность, сообщества, университет // Топос. 2005. № 10. С. 73.

и поддерживает ее аполитичность. Солидарность же должна выступать способом консолидации людей в такого рода сообщества в ситуации монополии на публичную сферу и освобождения от труда в государственных учреждениях.²⁴

Таким образом, за призывом к солидарности как этическому поступку встают интересы “новой” академии, которая находится в состоянии политического и интеллектуального конфликта со “старой”, так как отказывает последней в обладании знанием:

ЕГУ ввел новые ментальные границы и деления, посягнув на прежние монополии и сделав ряд компетенций (а следовательно, и тех областей, внутри которых они имели гарантированного заказчика и постоянно сохраняемую ценность) архаичными, смешными, дутыми. Поэтому закрытие ЕГУ – это консервативный реванш, защитивший тот интеллектуальный рынок, на котором до сих пор выставляют свой товар бывшие истматичики, диаматчики, “научные атеисты” (срочно переквалифицировавшиеся в “религиоведов”), “научные коммунисты” и специалисты по истории КПСС (ставшие теперь “политологами” и “социологами” и т.д.).²⁵

Спор о том, которая из академий обладает настоящим знанием, а какая только выдает за него устаревшие и вышедшие из употребления теории, составляет суть противостояния между “старым” и “новым” знанием и социальным статусом его носителей и в известном конфликте на социологическом факультете МГУ, где несколько лет назад студенты выступили с требованиями “изменить структуру курсов”, “приглашать известных зарубежных социологов-исследователей, профессоров ведущих мировых вузов, успешных практиков из ведущих агентств”, “информировать студентов о приезде зарубежных преподавателей”, “предоставлять студенту полную информацию о правилах и условиях проведения зарубежных стажировок”, “ввести в программу современные российские и зарубежные первоисточники”, включить работы “современных исследователей, признанных в международном социологическом сообществе, сотрудников известных университетов и исследовательских центров”.²⁶ Очевидно, что выдвинутые студентами требования касались как содержания обучения, так и возможности

²⁴ Там же. С. 80.

²⁵ Н. Семенов. ЕГУ: прощай и здравствуй (Кое-что об университетской практике и государственной политике) // Топос. 2005. № 10. С. 128.

²⁶ О ситуации на социологическом факультете МГУ // <http://www.od-group.org/node/445> (последнее посещение: 30 июля 2011 г.).

вхождения в профессиональные сети и доступа на престижные символические рынки.

Описанный раскол говорит об отсутствии единой постсоветской академической корпорации с общими интересами, и чтобы понять истоки разделения, необходимо обратиться к социальной стратификации, в том числе внутри научного поля, сложившейся в предыдущий период. В отсутствие экономики денег советская стратификация была не экономической, а статусной (в веберовском смысле), а восходящая социальная мобильность кодировалась в ней как освоение знания и культуры.²⁷ концепт культурности (советскому человеку полагалось быть культурным, демонстрировать образованность) позволял легитимировать те имущественные и профессиональные притязания, которые табуировались в СССР как “буржуазные”.²⁸ В такой “неофеодальной” системе вознаграждение (доступ к “ценным товарам”) регулируется не ценой, как при рынке, а даруется “вассалам” административно – через распределители, списки, статусные льготы. Главный “феодал” – партийная бюрократия – определяет, кому что положено и, судя по популярности соответствующего сюжета в массовой культуре, с середины 1960-х проблема “достать” становится в советском обществе фетишем. За моральными драмами персонажей из кинофильмов “Энергичные люди”, “Гараж” или “Старый Новый год” стоит обеспокоенность общества организацией всей системы распределения вознаграждений и статусов, которая воспринимается как несправедливая.

Среди советской интеллигенции бытовало убеждение, что получаемое вознаграждение не соответствует значительности ее вклада в общественное благо.²⁹ Между тем тот факт, что “советская культура

²⁷ Michele Rivkin-Fich. Tracing Landscapes of the Past in Class Subjectivity: Practices of Memory and Distinction in Marketizing Russia // *American Ethnologist*. 2009. Vol. 36. No. 1. Pp. 79-95.

²⁸ Catriona Kelly and Vadim Volkov. Directed Desires: Kul'turnost' and Consumption // Catriona Kelly and David Shepherd (Eds.). *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881–1940*. Oxford, 1998. P. 295.

²⁹ Например, белорусский профессор сетует: “Вообще перекося в оценке работы людей умственного труда начался после большевистской революции. В начале века, например, учитель обычной гимназии зарабатывал около 100 рублей, а квалифицированный железнодорожник 36 – практически в три раза меньше. За годы советской власти эти пропорции изменились, но, к сожалению, только в обратную сторону.” Захар Шибeko. Свобода – дороже денег // <http://m.mojazarplata.by/main/ona-i-rabota/obrazovanie-karera/uspeshnaja-karera/zakhar-shibeko> (последнее посещение: 30 декабря 2011 г.).

была по преимуществу книжной...”³⁰, а вертикальное социальное продвижение предполагало овладение культурой, обретение культурного капитала, говорит о сравнительно высоком статусе образованного сословия. Интеллигенция пользовалась плодами социалистического перераспределения в наибольшей степени, имея привилегии, доступ к большей жилплощади и возможностям престижного потребления и проведения досуга.³¹ О статусе интеллектуальной элиты свидетельствует и тот факт, что признанные советские музыканты, писатели, поэты и ученые получали дачи в тех же поселках, что и высшая партийная номенклатура, и имели доступ к сравнимым привилегиям.³² Связь между мирами бюрократии и интеллектуальной элиты становится еще более явной у следующего поколения. Дети из номенклатурных семей, вырастая в привилегированном мире доступа к культуре и образованию (чего были лишены их родители, начинавшие партийные карьеры рабочими или солдатами), часто отвергали партийные карьеры,³³ предпочитая престижный мир богемы или выбирая научную карьеру с возможностями выезда за границу,³⁴ что особенно верно для дочерей.³⁵

Так как статус работников умственного труда был сравнительно высок (но снижался после смерти Сталина, особенно в предперестроечные годы), статусные символы: книги, особенно зарубежных авторов, спектакли известных театров, экскурсионные поездки – имели в обществе высокую обменную стоимость. Киновед Майя Туровская вспоминает, что ее парикмахер доставала ей дефицитную импортную обувь “в обмен” на билеты на театральные премьеры и рассказы о личной жизни актеров.³⁶ Когда во время перестройки литературные журналы начали публиковать тексты ранее запрещенных, т.е. наиболее “ценных” авторов, их тиражи достигли миллионов экземпляров.³⁷ Со

³⁰ М. Рыклин. The Postcommunist Condition // Синий диван. 2010. Вып. 14. <http://www.polit.ru/article/2010/06/24/postcommunist/>.

³¹ King, Zselenyi. Theories of the New Class. P. 82.

³² Henryk Smith. The Russians. New York, 1976.

³³ Важно, что партийные посты не могли быть унаследованы.

³⁴ Так, дочь А. Косыгина стала директором Библиотеки иностранной литературы, а сын А. Микояна – директором Института стран Латинской Америки АН СССР. См.: М. Восленский. Номенклатура. Москва, 2005 (1990). С. 165.

³⁵ См., напр., Е. Москвская. Повесть о жизни с Алешей Паустовским // Независимая газета. Приложение “Кулиса”. 1997. № 1-2; 1998, № 1-5, 7-9.

³⁶ М. Туровская. Советский средний класс // Неприкосновенный запас. 2002. № 1. <http://magazines.russ.ru/nz/2002/21/tur.html>.

³⁷ Например, тираж журнала “Дружба народов” составлял 2,6 млн.

временем, однако, интерес упал:³⁸ в условиях рынка “редкие тексты” перестали цениться в качестве опредмеченного культурного капитала.

Советская интеллигенция была как “гонимой” за стремление к автономии, выразившееся в особой идентичности носителей морального императива,³⁹ так и привилегированной, в зависимости от фракции. В гуманитарной части академии социальное разделение выстраивалось вокруг дисциплин и исследовательских тем, доступ к которым, как к “ценным товарам”, находился под партийным контролем. Наверху в иерархии социогуманитарного знания располагалась марксистская критика “буржуазной идеологии”, предполагавшая доступ к спецхрану с западными изданиями. Различие в том, кому что позволялось читать и исследовать между отдельными учреждениями, а также центром и периферией, включая столицы национальных республик, было огромным. Например, предисловие к русскому изданию (1994) “Загадок женственности” Бетти Фридан, начинающееся фразой “Когда я впервые прочла ‘Загадку женственности’ тринадцать или четырнадцать лет назад...” (т.е. в конце 1970-х), просто не могло быть написано в национальной республике или провинции.⁴⁰

Проверенные кадры, которым доверялся доступ к “опасным текстам” спецхрана без опасения, что они подпадут под влияние чуждой идеологии, сосредоточивались в нескольких престижных “фабриках мысли” – в Институте США и Канады, в Институте Международного рабочего движения, на некоторых факультетах “главных” вузов страны в Москве (реже – в Ленинграде). Помимо обычной исследовательской работы, они выполняли информационные запросы ЦК КПСС и КГБ,⁴¹ а потому могли заказывать любую иностранную литературу и вообще находились под особым партийным патронажем: сотрудники, обычно члены партии, имели возможность выезжать за рубеж и входили в ту

³⁸ По свидетельству главного редактора журнала “Знамя”, в нулевые годы его тираж упал в 250 раз. См.: Сергей Чупринин. В России читают все меньше, зато пишут все больше // Московские новости. 2011. 22 апреля. http://www.mn.ru/newspaper_freetime/20110422/301215847.html.

³⁹ Об идентичности социалистической интеллигенции см., напр.: Tomasz Zarycki. The Power of Intelligentsia: The Rywin Affair and the Challenge of Applying the Concept of Cultural Capital to Analyze Poland’s Elites // Theory and Society. 2009. Vol. 38. No. 6. Pp. 613-648.

⁴⁰ Некоторые издания были доступны в Библиотеке иностранной литературы в Москве.

⁴¹ Из воспоминаний бывшей сотрудницы Института международного рабочего движения, личное общение.

интеллектуальную сеть, в рамках которой могли встречаться с западными учеными, знакомиться с новыми теориями и получать знания о значимых публикациях и научных событиях. Показательны воспоминания зачинателей советской социологии, многие из которых имели доступ к западным научным источникам и контактам непосредственно благодаря партийному или комсомольскому прошлому.⁴²

Если кооптация интеллигенции во власть предполагала допуск к “редким товарам” – западному знанию и контактам, то решения о том, какая точка зрения или научная теория будет признана “верной” и допущена к распространению, принимались под партийным контролем или даже непосредственно партией. Во время перестройки, когда начала рушиться система политического господства и символической власти, наука и культура оказались в центре властного передела, и советское (социогуманитарное) знание стало видеться как политизированное, необъективное, “совковое”, исключенное из просвещенной западной модерности, которая в популярном воображении была капиталом образованного человека.⁴³ Деконструкция монолитной системы производства научной истины, приведшая к “утрате традиционных интерпретационных схем советского обществоведения”,⁴⁴ началась с ослабления контроля над публичным пространством. Кафедры и факультеты все еще оставались вотчиной старой научной бюрократии, и проводниками “нового знания” становились неформальные кружки,⁴⁵ которые инициировались частными лицами, но собирались в официальных помещениях, балансируя у размытой границы запрещенного. Из статьи болгарского философа М. Николчиной о “семинаре”, объединявшем академических работников в Софии и ставшем информационным кана-

⁴² См.: Владимир Ядов. Как возникла социология в СССР. Беседа с Владимиром Ядовым // ПОЛИТ.РУ. 2009 www.polit.ru/analytics/2009/06/17/video_n_yadov_lb.html. См. также документальный фильм А. Архангельского “Отдел”.

⁴³ “Клочки музыки, обрывки информации создавали золотое свечение ауры, поднимавшейся над горизонтом на закате, над недоступным и таким желанным Западом и над самым западным Западом, Америкой” (Василий Аксенов. В поисках грустного Бэби. Москва, 2006. С. 19).

⁴⁴ С. Ушакин. Жизненные силы русской трагедии: о постсоветских теориях этноса // *Ab Imperio*. 2005. № 4. С. 235.

⁴⁵ См, напр., свидетельство: “...Валерий (Подорога. – Е.Г.) – самая значительная фигура философской перестройки в России. Его первые семинары почти совпали с горбачевской перестройкой. Эти первые семинары в Институте философии были необычайно важны” (Александр Иванов. Философия, консюмеризм и левая идея // Рутения. 2000: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_3/01.htm).

лом, по которому в научную среду проникали психоанализ, феминизм и западная философия,⁴⁶ становится понятной некая связь между неформальным интеллектуальным сообществом и политической оппозицией. Посредством “семинара” интеллектуалы явочным порядком начали занимать место в возникающем публичном пространстве, затем семинар вошел в политическое движение *Ecoglasnost*, и в 1990 г. сотни его участников, выстроивших свои новые “карьеры” в альтернативной структуре, вышли на улицы. Если бы не перестройка, свидетельствовал один из участников, поколение “семинара” ассимилировалось бы в официальные коммунистические структуры власти. Образованное сословие составляло ту резервную силу, из которой рекрутировалась советская бюрократия, но в предперестроечный период все “места” оказались заняты, и для нового поколения перспектива карьерного продвижения оказалась проблематичной. Проанализировав карьерные траектории участников частных московских семинаров 1970–1980-х годов, российский исследователь Илья Кукулин проследил последующее превращение части научных работников в “экспертов”, занятых на рынке консультационных услуг.⁴⁷

Позднесоветские интеллектуалы реформистского и космополитического толка обладали сходными жизненными траекториями и профессиональными амбициями. Многие представители этого поколения выросли в семьях городской интеллигенции или номенклатуры и обладали привилегиями своего социального слоя и времени: учились в специальных школах, где освоили английский и стали частью важных впоследствии дружеских сетей, часто получали доступ к “запретному” знанию дома или на “элитных” факультетах. Некоторые не встраивались в советскую систему и выбирали альтернативные жизненные стратегии:

Борис Юльевич Кагарлицкий (род. 1958) – современный русский левый публицист, политолог, социолог, философ. Кандидат политических наук. Сын известного литературоведа и театроведа Юлия Кагарлицкого. Был студентом ГИТИСа, где его отец был профессором. Занимался чтением неортодоксальной марксистской литературы, запрещенной в СССР, особенно Гербетра Маркузе.

⁴⁶ Miglena Nikolchina. The Seminar: Mode d'emploi. Impure Space in the Light of Late Totalitarianism // *Differences*. 2002. Vol. 13. № 1, 2. Pp. 96-127.

⁴⁷ И. Кукулин. Альтернативное социальное проектирование в советском обществе 1960–1970-х годов или Почему в современной России не прижились левые политические практики // *Новое Литературное Обозрение*. 2007. № 88. <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/ku8.html>.

С 1977 года левый диссидент, участвовал в издании самиздатовских журналов “Варианты”, “Социализм и будущее” (до 1981 года – “Левый поворот”). В 1980 году, после отлично сданного госэкзамена, по доносу был допрошен в КГБ и исключен из ГИТИСа. Работал почтальоном. В апреле 1982 года арестован, и год с небольшим провел в Лефортовской тюрьме по обвинению в антисоветской пропаганде. После смерти Леонида Брежнева дело решили прикрыть, и с апреля 1983 года Кагарлицкого освободили. В 1988 году восстановлен в ГИТИСе и окончил его. Депутат Моссовета (1990–1993). Один из лидеров Социалистической партии, Партии труда (1991–1994). Старший научный сотрудник ИСП РАН (1994–2002). Директор Института проблем глобализации (2002–2006). С 2005 года – один из лидеров Контролигархического фронта России и Левого фронта. С 2007 года – директор Института глобализации и социальных движений, председатель редакционного совета журнала “Левая политика”.⁴⁸

Эта биография демонстрирует сложную структуру элитарного капитала, где переплетается официальное и альтернативное, причем первое делает возможным второе: уважаемая позиция отца сочетается со связями в московском интеллектуальном сообществе, и вместе они обеспечивают доступ к “запретным”, а потому особенно ценным текстам (“неортодоксальная марксистская литература”, недоступная рядовому читателю). Описанная траектория сформировалась вне официальной академии, в альтернативном интеллектуальном пространстве и была легитимирована после распада социализма, когда профессиональный успех оказался связанным с предыдущим доступом к “западному” знанию и с международным характером авторской интеллектуальной критики.⁴⁹

Многие инициаторы перестроечных семинаров и кружков впоследствии реализовали свои личные проекты и стали руководителями новых научных структур: организатор философского семинара в Минске отредактировал энциклопедии современной философии;⁵⁰ феминистская группа “LOTUS” в Москве составила основу будущего Московского

⁴⁸ Б. Кагарлицкий. 2008. Глобализация левых // APN. 2008. 27 ноября, <http://www.apn.ru/publications/comments21066.htm>.

⁴⁹ Эта биография необычна своей “левизной”: среди советской интеллигенции, в отличие от восточноевропейской, почти не было носителей левого дискурса.

⁵⁰ Александр Грицанов. Главный редактор “Новейшего философского словаря”, “Всемирной энциклопедии. Философия” (2001), “Всемирной энциклопедии. Философия XX век” (2002), энциклопедии “Постмодернизм” (2001).

центра гендерных исследований;⁵¹ создавались новые журналы и издательства. “Новое знание” принимало личностную форму и становилось “судьбой”: оно вовлекало “активистов” социальной антропологии, феминистской теории или культуральных исследований в образ жизни, который формирует восприятие окружающего и отношение к нему. Новая деятельность была связана с другими формами общения, встречами со “знаковыми” людьми, знакомством с “запретными” текстами,⁵² а потом и созданием “основополагающих” текстов по новым дисциплинам на своем (не обязательно русском) языке, с чувством солидарности и причастности к сакральному опыту, т.е. непосредственно с производством субъектности. Вместе с тем “новая гуманитаристика” открывала перед посвященными новую структуру возможностей, жизненную траекторию и формы коллегиальной солидарности. Представительства международных организаций нуждались в экспертах, которые говорили бы на европейских языках (пригодилась английская спецшкола!) и владели западным концептуальным аппаратом. “Благодаря Соросу, Кеннану, Гарриману, Гарварду, Форду”,⁵³ а также западным правительствам, началась институализация нового знания в немногих независимых (негосударственных или реформированных) университетах и научных центрах: ЕГУ в Минске, ЕУ и Центре независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге, Киргизско-американском университете в Бишкеке, Киево-Могилянской академии в Киеве, Католическом университете во Львове, Московской высшей школе социально-экономических наук и других. Интеллектуальный рынок труда существенно расширился, а продвижение в нем не требовало конкуренции с прежними научными элитами. Это позволило символически “перечеркнуть” сложившуюся академическую иерархию, появилась возможность стремительного вертикального продвижения, минуя сразу несколько ступеней, а также поддержания устойчивой профессиональной связи с западной академией. “Новые” университеты также предоставили про-

⁵¹ Anastasia Posadskaya. Self-portrait of a Russian Feminist // New Left Review. 1992. Vol. 195. No. 1. Pp. 3-20.

⁵² Напр., первый номер философского журнала “Логос” за 1991 содержит 20 текстов: девять из них являются переводами зарубежных авторов (Гуссерля, Хайдеггера и др.), три представляют собой публикации работ русских философов Лосского и Степуна, еще семь – статьи (или комментарии) об их творчестве. Только один текст (Д. Галковского) является самостоятельной философской работой. Такая пропорция сохранялась в течение нескольких лет.

⁵³ Laura Engelstein. Culture, Culture Everywhere: Interpretations of Modern Russia, Across the 1991 Divide // Kritika. 2001. Vol. 2. No. 2. P. 365.

фессиональное признание исследователям, получившим образование в других областях, и “органическим интеллектуалам” (если пользоваться термином А. Грамши), пришедшим из публичной сферы.

В больших городах и новых национальных столицах начал формироваться тип исследователя, профессионально связанного с Западом. Это сотрудничество не обязательно предполагало значительное финансовое вознаграждение (хотя в 1990-е экспертные гонорары бывали спасением для едва выживавших ученых), но давало доступ к интеллектуальным ресурсам, информации, академической экспертизе и возможности карьеры вне “старой” академии поначалу небольшому кругу лиц. Географическая мобильность теперь была связана с восходящей социальной мобильностью, а доступ к текстам, библиотекам или интернету (“ценному товару” 1990-х) – точкой входа в глобальный академический дискурс.⁵⁴ Таким образом, началось разделение на два частично перекрещивающихся, но “противопоставленных” академических сообщества, а “новое” знание, часто переворачивающее то, что считалось в советских социогуманитарных науках правильным, исходящее из иных представлений о нормативности и научности и попавшее в академическое пространство через альтернативные точки входа, первоначально оказалось за рамками и государственной академии и “ваковских” журналов, т.е. прежней системы академической сертификации. Каким образом, в таком случае, оно могло получить академическое признание? Ведь, согласно Людвигу Флеку,

все известное всегда казалось систематическим, доказанным, имеющим практический смысл и самоочевидным для знающего. Каждая новая система знания, наоборот, казалась противоречивой, бездоказательной, ни к чему не приложимой, надуманной и мистической.⁵⁵

Комментарий о научном (по)знании

Вопрос о том, каким образом “неправильное” знание смогло стать признанным, логически равнозначен вопросу, каким образом в советское время партия могла являться структурой, выносившей вердикт

⁵⁴ Е. Гапова. Классовый вопрос постсоветского феминизма, или Об отвлечении угнетенных от революционной брѣбы // Гендерные исследования. 2007. № 15. С. 151.

⁵⁵ Ludwik Fleck. The Genesis and Development of a Scientific Fact / Ed. by T. J. Trenn and R. K. Merton. Chicago, 1979 (1935).

истинности. Принято считать, что наука пользуется своими методами и собственной научной аргументацией, и в таком случае заставить общество принять “нужное” знание за истинное можно только посредством прямого принуждения. Однако это означало бы, что все советские ученые из страха подводили свои выводы под результаты, ожидаемые партией, а все советские люди лгали, что верят в “неправильное” знание. Это очевидно не так и, значит, производство научной легитимности – более сложный процесс социального *признания* научного доказательства.

Согласно М. Фуко, которому мы обязаны формулой “власть-знание”, в различные исторические периоды существуют разные “эпистемы” или “режимы истины”, т.е. способы аргументации и институциональные процедуры, которые считаются необходимыми для обеспечения научной достоверности. Наука опирается на научный метод – безличные, абстрактные и постоянные процедуры, но эти процедуры не возникают ниоткуда, их устанавливают люди, руководствующиеся различными соображениями о том, какими эти процедуры должны быть, и входящие в различные институты. Например, О. Журавлев в статье о московском физфаке 1950-х годов, где также происходила конфронтация “старого” и “нового” знания, принявшая форму борьбы между “старой” (классической) и “новой” (квантовой) физикой, пишет, что в дискуссиях того времени можно было выделить два способа обоснования научной истины: “философский”, характеризующийся работой теоретического воображения, и “сциентистский”, базирующийся на экспериментальной процедуре. Победа “новой” физики, на что ушли десятилетия, была достигнута благодаря не только собственно экспериментальным данным, использованным в реальных оборонных проектах, но и всей расстановке сил в поле науки того периода, включая отношения ученых с комитетом комсомола и *партийной организацией* факультета, а также условия финансирования исследований.⁵⁶ Однако в естественных науках “истинность” считается связанной с практическим результатом, с тем, “загорится ли лампочка”. В гуманитаристике “лампочки” обычно не существует, и вопрос истинности решают эксперты.

Процитированный выше эпистемолог Людвик Флек считал, что наука является коллективным предприятием и осуществляется “мыслительным коллективом”, а знание производится не только отдельным

⁵⁶ О. Журавлев. Студенты, научная инновация и политическая функция комсомола: физфак МГУ в 1950–1960-е годы // Разномыслие в СССР и России: Сб. материалов научной конференции / Под ред. Б. М. Фирсова. Санкт-Петербург, 2010. С. 98.

исследователем, но всем полем науки и институтов, которые в него входят; оно производится “в ответ” на ожидания и ценности аудитории (коллеги, ВАК, студенты, более широкая публика), научного рынка, рецензентов. Статус научного продукта, признание его “истинным” зависит от правил оценивания, как явных, так и подразумеваемых. Если знание всегда включено в сложные отношения с другим знанием (по Фуко, “нельзя сказать что угодно в любой момент времени”), научные аргументы являются не только научными, но и социальными феноменами: “рациональные единства, такие как суждения, аргументы или теории суть социальные единства, т.е. они являются социальными институтами, или частями социальных институтов, или зависят от социальных институтов”.⁵⁷ Иными словами, “гарантами” научности выступают социальные институты, прежде всего академия. Место советского марксизма – единственной “все объясняющей” концепции – довольно быстро заняли перенесенные на постсоветскую почву “культура”, “сексуальность”, “идентичность”, “гендер”, “постмодернизм”, “глобализация”. Однако, не имея “выстраданного” содержания, выросшего из собственной научной традиции, эти теории оказались “произвольными”: создалась логика интеллектуального шведского стола.⁵⁸ Легитимация такого “произвольного” знания требует опоры на признанную социальную силу, которая своим “авторитетом” гарантирует соответствие научной процедуре. Такой силой на постсоветском пространстве стала западная академия. Ее авторитет и материальные ресурсы, обеспечившие легитимность нового научного дискурса и связь с некоторыми реальными агентами, формирующими научное поле, определили авторитетность высказываний и текстов и вывели на поле новых научных игроков.

В этой ситуации важны легко считываемые маркеры интеллектуальной принадлежности научного продукта, которые распознаются как “своими”, так и “чужими”. Что может быть легко читаемым знаком потенциально нового содержания? Очевидно, “первыми” маркерами, предназначенными для управления вниманием аудитории, являются названия. При диверсификации и мощном росте рынка символических продуктов авторская стратегия состоит в том, чтобы уложить все важное в заглавие, привлечь внимание, показать возможному читателю

⁵⁷ Martin Kusch. *The Sociology of Philosophical Knowledge: A Case Study and a Defense* // Idem (Ed.). *The Sociology of Philosophical Knowledge*. Dordrecht & Boston, 2000. P. 27.

⁵⁸ Ушакин. Жизненные силы русской трагедии.

ценность текста⁵⁹ и его отличие от мейнстрима. Примером названия, содержащего очевидные знаки “нового” знания, может быть название конференции “Конструируя ‘советское’? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности” (2011). Во-первых, оно начинается с “невозможного” для русских названий деепричастия, т.е. является калькой с английского; во-вторых, содержит вопросительный знак посередине; в-третьих, отношение первой и второй частей фразы также необычны. Такие “необычные” названия в новых российских научных изданиях встречаются все чаще. Они начинаются с деепричастия, либо содержат уточнения через двоеточие, знак вопроса и “как” в середине: *Екатерина Правилова. Частное или публичное? Власть, наука и дискуссии о собственности в дореволюционной России* (конференция “Пути России”, 2010);⁶⁰ включают в себя цитату: *Сергей Ушакин (Princeton). “Я помню! Я горжусь!”: вспоминая о непрожитой войне*,⁶¹ или явный стилистический сбой: *“Михаил Маяцкий. Би-бишпп!”*⁶²

Очевидно, что авторы и редакторы стремятся проявлять свое отличие от “устаревшей” науки, и название становится “рекламной акцией”, направленной на продажу не только своего текста, но и всего поля “новой гуманитаристики”. Аудитория “новых” текстов создавалась благодаря связи с зарубежной статусной академией: многие из них сначала печатаются в западных изданиях, а затем уже на родине. Постепенно возникла возможность введения новых курсов, исследовательских тем и конференций. Если, перефразируя П. Бурдьё, вопрошавшего, что создает репутацию неизвестному произведению искусства, спросить, что превращало новые “еретические” тексты в “знание”, ответом будет: поле их производства и функционирования. Это поле легитимировано западной академией, выстроенной на основании признанной иерархии университетов, научных журналов, независимого рецензирования, академического книжного рынка, цитирования и т.д. Напечатанное в издании, принадлежащем к признанному институту, становится авторитетным – как прошедшее экспертную сертификацию. Тексты, про-

⁵⁹ Howard S. Becker. Long-Term Changes in the Character of the Sociological Discipline: A Short Note on the Length of Titles of Articles Submitted to the “American Sociological Review” during the Year 2002 // American Sociological Review. 2003. Vol. 68. No. 3. Pp. iii–v.

⁶⁰ За этот пример, как и за указание на работу Беккера, я признательна Е. Губе.

⁶¹ Международный семинар “Советские традиции: становление и трансформации”. Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2011.

⁶² Логос. 1999. № 5.

изводимые в “новой” академии на основании других представлений о нормативности и научности, без Запада как локуса власти оказались бы лишены дисциплинарной легитимности и даже возможности преодолеть “академическую цензуру”.

Таким образом, знание, востребованное на международных символических рынках, в значительной мере развивалось за рамками государственной академии, где оказалось без своего организационного пространства, финансирования (если “нет” дисциплины, не может быть денег на ее развитие), позиций на кафедрах, критериев качества. Когнитивное пространство невозможно без новых концептов в библиографиях, системы оценки и рецензирования, охраняющих канон. Отсутствие новых областей в классификаторе Министерства образования означает непризнание соответствующих публикаций ВАКом и отсутствие академического рынка для них. В начале 1990-х Фонд Сороса и другие фонды инициировали программы по разработке вузовских учебников по “новым” дисциплинам, чтобы способствовать их трансформации. По словам Евгения Быстрицкого, председателя украинского фонда “Возрождение” (“Відродження”), программа новых учебников провалилась; согласно мнению Мэри Макколи, бывшего директора Фонда Форда в России, книги, изданные в рамках программ трансформации высшего образования, в отсутствие академического рынка никто не читает.⁶³

Со временем традиционная академия начала осваивать “новое” знание и активно потреблять гранты, однако нередко ее интегративные практики оказываются “колонизацией наоборот”,⁶⁴ манипуляцией новыми терминами для передачи старого содержания:

...основной парадокс такой стратегии интеграции состоит в том, что признание нового знания и включение его в “нормальную”, “традиционную”, “академическую” дисциплину трансформирует его содержание, приспособляясь к нормативности уже устойчивого консервативного знания.⁶⁵

Примеры такого “приспособленного” знания, из которого “совершенно исчезает суть того, что пытаются делать западные” уче-

⁶³ Выступления на конференции Международной ассоциации гуманитариев “Востребованность гуманитарного знания современным обществом”. ЕУ СПб, 20–21 октября 2011 г.

⁶⁴ Александр Першай. Колонизация наоборот: гендерная лингвистика в бывшем СССР // Гендерные исследования. 2002. № 7-8. С. 236-249.

⁶⁵ Екатерина Губа. *Mainstreaming* гендер на страницах академических журналов // Гендерные исследования. 2009. № 19. С. 141.

ные⁶⁶ – “феминология”, возникшая “на теле” гендерных исследований; интеллектуальная история, оказывающаяся привычной политической историей, или микроистория, представленная занимательными анекдотами. Стивен Коткин, готовивший для Фонда Форда аналитический доклад о результатах западной помощи высшему образованию в Российской Федерации, признал, что огромные вложения (около миллиарда долларов по бывшим социалистическим странам) не вызвали кардинальной трансформации знания.⁶⁷ “Приспособленное” знание не угрожает статусу старых академических элит, чей капитал сформирован в другой эпистемологической традиции, часто связан с административными позициями и бюрократическим капиталом и не конвертируется в статус на мировом научном рынке.

Таким образом формируются (по крайней мере) две сертифицированные академией научные “правды”. Отсутствие единой “научной точки зрения”, для которой необходим консенсус экспертов,⁶⁸ угрожает именно тому, что было целью научной перестройки, – статусу академии и интеллектуального “класса”.

Место академии и статус “академиков”

Трансформация академии произошла на всем постсоветском пространстве, однако зависела от конкретных исторических условий, конфигурации элит, степени (и желательности) интеграции с Западом и т.д. Рассмотрение случаев Беларуси и России позволит понять, как именно академия включена в социальный расклад и почему для постсоветских “академиков” проблематична конвертация знания в социальный статус.

1. Россия: “классовое” разделение академии

В известной статье о петербургской социологии Михаил Соколов рассказывает о двух “параллельных” социологических сообществах, члены которых почти не пересекаются, не осведомлены о работах

⁶⁶ Николай Копосов. Память строгого режима. История и политика России. Москва, 2011. С. 199.

⁶⁷ Stephen Kotkin. Report on Western Support for Higher Education in the Russian Federation. 2006.

⁶⁸ Научная экспертиза, давшая отрицательную оценку работам декана соцфака МГУ Н. Добренкова, не вызвала практических мер, так как любая точка зрения оказывается равносильна другой.

друг друга и не связаны профессионально,⁶⁹ что можно рассматривать как свидетельство академического “разделения”. С одной стороны оказываются успешные “космополитические” акторы, обладающие “новым” знанием, современными профессиональными компетенциями и доступом к интеллектуальным ресурсам. Их знание, востребованное на международных символических рынках, является инструментом для присоединения к глобальной академии. На этом поле “играют” по международным правилам: найм осуществляется на основании “глобального” конкурса, претенденты должны иметь признанную за рубежом степень и опыт зарубежной работы (показатель компетентности), владеть иностранными языками, публиковаться в международных изданиях, т.е. соответствовать требованиям, указанным, например, в следующем объявлении:

ВАКАНСИЯ ПРОФЕССОРА СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Факультет политических наук и социологии ЕУСПб объявляет об открытом конкурсе

В течение трех лет начиная с августа 2011 г. профессор будет вести научную работу и преподавать курсы по сравнительной политологии и смежным политологическим дисциплинам. Кандидат должен обладать исследовательским и преподавательским опытом в сфере политических наук. Избранный профессор обязуется сформировать серию курсов, отражающих и критически анализирующих современное состояние политической науки, теоретические и методологические принципы политологических дисциплин, опубликовать ряд статей по данной теме (в том числе в рецензируемых международных научных журналах), подготовить к изданию учебник либо учебное пособие с фокусом на политическую компаративистику.

Кандидат на должность профессора сравнительной политологии должен иметь научную степень доктора наук (или PhD), свободно владеть английским языком, обладать опытом научно-исследовательской работы в зарубежных университетах или исследовательских центрах, а также иметь ряд публикаций по сравнительной политологии и/или смежным политологическим дисциплинам.⁷⁰

⁶⁹ Михаил Соколов. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика “бедной науки” // *Laboratorium*. 2009. № 1. С. 20-57.

⁷⁰ См.: http://www.eu.spb.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3172&Itemid=943 (последнее посещение 30 июня 2011 г.).

Университеты, выдвигающие такие требования, заинтересованы в независимости от государства: там возникает идеал коллегиальности и университетской автономии, поскольку “академическая автономия предполагает монополию ученых на предоставление информации о том, каков относительный ранг представителей их дисциплины”.⁷¹ В этих структурах есть “звезды”, академическая элита международного класса с соответствующим списком публикаций и регалий: участием в международных научных проектах, академических советах и редколлегиях.⁷² Они способны привлекать финансирование и интерес к вузу, являясь частью его “капитала”. В ответ они могут претендовать на более удобные условия работы: отсутствие в течение семестра для преподавания за рубежом, меньшую учебную нагрузку в пользу исследовательских занятий, возможность читать “нетрадиционные” курсы и т.д. Важным источником дохода для них являются международные стипендии и работа по коммерческим или поддержанным фондами проектам.⁷³ Молодые сотрудники этих вузов также заинтересованы в публикациях в престижных изданиях и получении международного имени.

На другом конце академического континуума расположены акторы, включенные в традиционную академию. Они имеют доступ к локальным ресурсам, публикуются в местных сборниках, рекомендованных к печати соответствующими научными советами либо не имеющих научного редактора, где требования к публикациям являются “техническими” и касаются размера шрифта и ширины полей.⁷⁴ Элита этих университетов, редко входя в состав международных научных комиссий, представлена в местных советах или редколлегиях. Их рядовые сотрудники, являясь “пролетариями академического труда”, заполняют нижние эшелоны академической занятости, наиболее загруженные и наименее престижные, где

...нагрузка на каждого из оставшихся преподавателей возросла весьма существенно, приблизительно на 30–35%... возрастает в основном аудиторная нагрузка, так называемые горловые часы. Как показал опыт последнего учебного года, ситуация на кафедрах становится особенно критической, когда заболевает кто-то из преподавателей, поскольку занятость остальных не позволяет

⁷¹ Соколов. Российская социология после 1991 года. С. 27.

⁷² См. программу конференции “Банальные чтения”, Приложение 1.

⁷³ Копосов. Память строгого режима. С. 185.

⁷⁴ См. Приложение 2.

организовать полноценное замещение болеющего сотрудника... Причем столь интенсивный рост нагрузки отнюдь не сопровождается ростом заработной платы; она остается неизменной. Постоянное перераспределение нагрузки и ее возрастание означает необходимость весьма оперативно осваивать и преподавать новые учебные дисциплины. Так, в уходящем учебном году некоторые мои коллеги вели по 7–8 учебных курсов, причем добрая половина из них была новыми.⁷⁵

Расположенные между этими идеальными точками исследователи характеризуются различной степенью включенности в международный символический обмен и соответственно, автономией и доступом к ресурсам. Значительная часть академического континуума принадлежит, по определению Соколова, к “бедной науке”, для которой характерно “проектное мышление”. При больших нагрузках, низких зарплатах, плохой языковой подготовке и без доступа к литературе⁷⁶ исследователи стремятся к выполнению разнообразных проектов, за которые можно получить “быстрое” вознаграждение, но не научное имя.⁷⁷ Многие выпускники престижных университетов предпочитают покинуть академию (или уехать за границу), но не работать там, где возможности самореализации и профессиональные стимулы отсутствуют,⁷⁸ а вознаграждение минимально. В наибольшей степени это справедливо для “провинциальных” городов, где успешные международные акторы могут отсутствовать и профессиональной референтной группы нет.

Различие между двумя сообществами можно обозначить в терминах “классового” разделения. Знание становится капиталом, только если оно является “особым”, не всем доступным, — что и составляет основу социального статуса интеллектуалов, которые заинтересованы “исключать” всех остальных из обладания таким знанием. Таким образом, “особое” знание становится источником “классового” неравенства в академии. В современной социальной теории под классом понимается широкий организующий концепт, с помощью которого теоретизируют социальную дифференциацию и исключение: понятие класса отно-

⁷⁵ Св. Зверева. Очередная жертва образовательных реформ // Полит.Ру. 2010 <http://www.polit.ru/author/2010/06/09/vuz.html> (последнее посещение: 30 июля 2011 г.).

⁷⁶ Н. Митрохин. О некоторых структурных проблемах российской социологии на современном этапе // *Laboratorium*. 2009. № 1. С. 185.

⁷⁷ Соколов. Российская социология после 1991 года.

⁷⁸ О повседневной преподавательской практике в таких вузах см.: М. Немцев. Из дневника преподавателя философии // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 3 (77). <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/ne11.html>.

сится не к коллективам или группам, а к способам дифференциации и поддержания социальных границ и различий.⁷⁹ Однако границы не существуют в готовом виде, а создаются в процессе социальной структуризации, которая может быть основана на любом различии: гендерном, пространственной отдаленности, социальной мобильности и т.д.,⁸⁰ т.е. на любой форме капитала. Эпистемологический капитал также является ресурсом для обеспечения социальной мобильности и утверждения отличия, т.е. для конструирования “классовой” иерархии с доминированием и исключением, что и произошло при разделении на две академии. Вместе с тем знания самого по себе недостаточно для занятия его носителями престижной позиции в обществе. Так как оно является “подчиненной” формой капитала, его доминирование невозможно без опоры на реальную социальную силу, а меритократический идеал автономного эксперта в принципе возможен тогда, когда существует класс автономных (“буржуазных”) акторов. Для такого профессионала легитимирующей силой стал западный академический истеблишмент, а “реальной” социальной поддержкой – постсоветская (экономическая) либерализация. Для другой группы в роли легитиматора выступает государство (ВАК, “ваковские журналы” и т.д.), однако это означает подчиненное социальное положение знающей когорты. Николай Копосов объясняет реванш носителей “традиционного” или даже “консервативного” знания в 2000-е годы постепенным укреплением госаппарата.⁸¹ Успешность в этой группе связана не столько с признанием научным сообществом, сколько с бюрократической позицией и близостью к системе власти.⁸² Так, социолог, полагающая, что статус производителей знания в России настолько низок, что “только дружба с политическим классом открывает для интеллектуала широкие возможности реального влияния”,⁸³ становится инициатором женского движения “Отличницы”, в планах которого “вступление в Общероссий-

⁷⁹ Wendy Bottero. Class Identities and the Identity of Class // Sociology. 2004. Vol. 38. No. 5. P. 989.

⁸⁰ Eyal. The Origins of Postcommunist Elites.

⁸¹ Копосов. Память строгого режима. С. 187.

⁸² См., напр.: Интеллектуальный класс и перспективы российской модернизации. Третий доклад Цеха политической критики // Русский журнал. 2010. 12 июня; а также: <http://www.russ.ru/pole/Intellektual-nyj-klass-i-perspektivy-rossijskoj-modernizacii> (последнее посещение: 30 декабря 2011 г.).

⁸³ О. Крыштановская. Интеллектуалы и закрытая политическая корпорация // Русский журнал. 2010. 20 июня: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Intellektualy-i-zakrytaya-politicheskaya-korporaciya> (последнее посещение 30 июля 2011 г.).

ский народный фронт, создаваемый по инициативе премьер-министра РФ Владимира Путина...”.

Однако Россия – государство с претензиями на глобальную значимость, и статус российской науки – это и статус России, и ее способность принимать вызовы времени, для чего нужны интеллектуальные элиты международного класса. Оказалось, что российская наука “не услышана” в мире,⁸⁴ и отсюда озабоченность отсутствием российских авторов в международных индексах цитирования. Поэтому правительство пытается поддерживать ограниченную группу “конвертируемых” на международном уровне ученых, финансируя, например, Российскую экономическую школу и некоторые другие университеты, где зарплаты преподавателей сравнимы с европейскими,⁸⁵ разрабатывая собственные рейтинги, в которых российские университеты занимают первые места, а также выдвигая инициативы сотрудничества с соотечественниками, работающими за рубежом.

Однако не став единым институтом, который устанавливает канон “знания”, осуществляет экспертизу квалификации своих членов и отдельных институций, академия не может получить автономию, когда “только сами ученые могут по достоинству оценить достижения своих коллег”.⁸⁶ Научные степени перестают быть свидетельством обладания знанием, так как почти любая точка зрения может быть признана соответствующим академическим сообществом. “Диссертации по подавляющему большинству специальностей больше не играют никакой роли показателя квалификации защищающегося”, – полагает профессор РЭШ К. Сонин.⁸⁷ Возникают “диссертации престижного потребления” (защищаемые, или, вернее, покупаемые новой номенклатурой)⁸⁸ – признак того, что академия не имеет власти контролировать свою самую главную ценность, а именно систему научной сертификации и доступ в свои ряды. Иначе говоря, установить монополию на социально значимый вид экспертизы, являющийся основой ее статуса.

⁸⁴ К. Бабаев. Как сохранить гуманитарную науку? // Троицкий вариант. 2011. 6 декабря <http://trv-science.ru/2011/12/06/kak-sokhranit-gumanitarnuyu-nauku/>.

⁸⁵ А. Олейник. Underperformance в теории и университетской практике // Социология науки и технологий. 2011. Т. 2. № 3. С. 71.

⁸⁶ М. Соколов. Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии // Антропологический форум. 2008. № 9. С. 9.

⁸⁷ Константин Сонин. Запись в блоге. 2010: <http://ksonin.livejournal.com/320478.html>.

⁸⁸ В. Гельман. Диссертации престижного потребления // Slon.ru: Деловые новости и блоги. 2010. 1 июня: <http://slon.ru/blogs/gelman/post/400936/> (последнее посещение 30 июля 2011 г.).

2. БЕЛАРУСЬ: “ФИЛОСОФСКИЙ ПАРОХОД”

Как известно, “философским пароходом” называют высылку в 1922 году из Советской России неугодных интеллектуалов, которые виделись угрозой режиму. Эту метафору можно применить к происходящему в нынешней белорусской академии, где произошло “исключение” нового знания, выведение его за государственные границы. Создатели независимых университетов на постсоветском пространстве хотели освободить знание от идеологического контроля и провинциализма, а это было невозможно без деконструкции устоявшегося порядка, поэтому новые научные организации ставили перед собой не только академические, но и широкие социальные цели. Когда в новой структурной ситуации контроль над ресурсами “перешел из рук старых элит к новым ‘часовым при западной помощи’”, частично выросшим из старых партийных и комсомольских структур⁸⁹ и появившимся в том числе вследствие общей децентрализации при образовании новых национальных государств, те виделись Западу агентами демократических перемен и поддерживались не только как научные организации, но и как проект политического убеждения. Они должны были способствовать превращению “безответных” советских ученых в автономных профессионалов западного образца, обладающих независимым от государства мнением и получающих на соревновательной основе ресурсы от различных агенств. Таким образом, новые дисциплины были не только “научными парадигмами”, но и агентами влияния,⁹⁰ так как взаимодействие с донорами всегда способствует проникновению идей и идеологий, которые те продвигают.⁹¹ ЕГУ в Минске, согласно Уставу и заявлениям руководства, видел свою миссию в том, чтобы стать “мостом” между Востоком и Западом и подготовить новое поколение белорусской элиты,⁹² и именно это стало поводом для общественного беспокойства. Обоновывая закрытие университета, президент Беларуси А. Лукашенко сказал:

...основная задумка была подготовить новую белорусскую элиту, которая должна со временем “привести Беларусь на Запад”. Что

⁸⁹ Janine Wedel. Collision and Collusion. The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe. New York, 2001. P. 88.

⁹⁰ Almira Ousmanova. On the Ruins of Orthodox Marxism: Gender and Cultural Studies in Eastern Europe // Studies in East European Thought. 2003. Vol. 55. Pp. 37-50.

⁹¹ Wedel. Collision and Collusion. P. 82.

⁹² В. Дунаев. Перспективы интернализации высшего образования Беларуси: экономика против идеологии // Высшее образование в Беларуси: вопросы интернализации: Сб. статей / Сост. В. Дунаев. Вильнюс, 2007.

же получается, в центре Минска готовятся будущие руководители, элита, а как же остальные белорусские вузы? Они кого готовят? Слуг для этой самой элиты?⁹³

По сути дела, это высказывание – критика социального неравенства и классового различия. Неудивительно, что оно было сделано в Беларуси, в которой сложилась иная, чем в России, социальная структура и конфигурация элит, и которая имеет иные геополитические притязания. Исторически в силу того места, которое занимала (любая) национальная республика в советском интеллектуальном раскладе (“ценное” знание было сосредоточено в соответствующих научных и политических структурах центра), в Беларуси не мог сложиться значительный слой, способный “играть” на международном академическом поле и использовать западную солидарность для противостояния контролю над производством знания. Вместе с тем до последнего времени в Беларуси в силу ряда причин сохранялось слегка реформированное социальное государство советского типа, в основе которого лежит административный распределительный принцип. Такая система обеспечивает тому, кто контролирует распределение, значительную власть, однако требует легитимации при помощи “социальной справедливости”. Монополизировав контроль над распределением, а с ним и заботу о народном благе (президент “повышает пенсии”, “контролирует цены” и т.д.), А. Лукашенко воспрепятствовал, таким образом, формированию автономной постсоветской “буржуазии”. Он минимизировал социальное неравенство и “задержал” классовобразование:⁹⁴ отсутствие независимых элит уменьшает угрозу его власти, и, таким образом, научным элитам не на кого опереться, кроме государства, и неоткуда получать необходимое для автономии финансирование. После закрытия ЕГУ и других исследовательских структур автономные интеллектуалы оказались вытесненными за государственные границы, а так как Беларусь как малая страна “не претендует” на значимое место на международной арене, государство не беспокоится об отсутствии конвертируемого за рубежом гуманитарного знания и экспертизы (время от времени, правда, сообщая о намерениях открыть у себя “филиал Гарварда”). Наоборот, их носи-

⁹³ Лукашенко признал, что закрыл ЕГУ по политическим мотивам // Белорусская деловая газета. 2004. 24 сентября: <http://bdg.by/news/news.htm?63000> (последнее посещение: 30 декабря 2011 г.).

⁹⁴ Elena Gapova. Post-Soviet Academia and Class Power: Belarusian Controversy over Symbolic Markets // *Studies in East-European Thought*. 2009. Vol. 61. No. 4. P. 283.

тели рассматриваются как угроза существующей власти и старым элитам. Университетская администрация препятствует зарубежным поездкам преподавателей, а также получению зарубежных грантов. Некоторые сотрудники Белорусского госуниверситета, получившие стипендии в самые престижные американские вузы, были поставлены перед выбором отказаться от них либо уволиться, так как руководство заявило о своей незаинтересованности в таких поездках.

Отгородившись от системы обмена знанием, государство и “старые” элиты создали “внутреннюю” науку: не конвертируемую в признаваемый международным сообществом продукт, но выглядящую “как настоящая” для себя самой и не представляющую угрозы социальной или философской критики системы. Например, практически единственный журнал по социальным и политическим наукам “Беларуская думка” характеризуется как “общественно-политический и научно-популярный журнал Администрации Президента Республики Беларусь”.

Основной целью создания журнала явилась необходимость ознакомления общественности с вопросами социально-экономического развития страны, функционирования системы высшего образования и идеологии. В связи с этим была поставлена задача всесторонне, объективно и профессионально освещать политику государства, работу органов исполнительной и законодательной власти, достижения отечественной и зарубежной науки.⁹⁵

При этом журнал “является научным изданием, рекомендованным Высшей аттестационной комиссией для публикации результатов диссертационных исследований по следующим дисциплинам: философия, история, политика, филология. Планируется увеличить данный перечень научных дисциплин”.⁹⁶ Представление о научности издания может дать содержание номера на выбор, например сентябрьского за 2010 г.:

Андрей КОБЯКОВ. Белорусская экономика: прогноз – позитивный. Геннадий НОВИЦКИЙ. Живой процесс законотворчества. Герман МОСКАЛЕНКО. Оптимальная система. Владимир НИКОЛАЕВСКИЙ. На подготовленную почву. Галина МОХНАЧ. Испытание стабилизацией. Снежана МИХАЙЛОВСКАЯ. Аргументология мудрости.

⁹⁵ Беларуская думка. О журнале см.: <http://beldumka.belta.by/ru/about> (последнее посещение 30 декабря 2011 г.).

⁹⁶ Там же.

Сообщалось, что “в 2009 году редакция журнала стала победителем V Национального конкурса печатных средств массовой информации ‘Золотая Литера’ в номинации ‘Лучший научный, научно-популярный журнал’”. Иными словами, “лучший научный журнал” выбирает не академия и научное сообщество, а комиссия по государственной премии “Золотая Литера”. Пожалуй, такого не было и в советские времена: научные журналы не являлись органами исполнительной власти даже в сталинские годы.

Заключение

Противостояние постсоветских ученых вокруг доминирования на поле производства знания, а также борьба за проникновение на международные символические рынки связаны с общим беспокойством интеллектуалов относительно своего статуса. Отстраненные в начале 1990-х от обладания экономическим капиталом в процессе складывания новой системы дифференциации, они вынуждены вести переговоры о своем социальном месте, обладая только знанием. Однако для конвертации знания в статус (т.е. “власть знать”) его производители должны, во-первых, легитимировать его в качестве редкого (“не такого, как у всех”), а потому ценного товара и, во-вторых, отстоять свою “монополию” на него (эксклюзивное право “экспертного вердикта”). Решение этих задач происходит в условиях, когда “советское” знание и знание вообще (“если ты такой умный, почему ты такой бедный”) оказалось в значительной степени дискредитированным. Возникшая “новая” академия ориентирована на международные модели воспроизводства знания и легитимирована западным научным истеблишментом. Другая часть академии продолжает советскую модель производства знания и опирается на ее теоретическое наследие и ресурсную базу, а также на возникшие “коммерческие” структуры. Она в меньшей степени включена в международный символический рынок. Таким образом, академия перестает быть единым институтом, который устанавливает научный канон, контролирует допуск в свои ряды и осуществляет экспертизу. Не будучи в состоянии осуществить автономию, академия не может “произвести” “научную истину”, которую общество приняло бы в качестве единственно верной, а без этого невозможна фигура знатока или эксперта – основы социального статуса интеллектуалов.

Приложение 1

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЖУРНАЛА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”⁹⁷

XIX БАННЫЕ ЧТЕНИЯ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ: РЕГУМАНИЗАЦИЯ ГУМАНИТАРИЕВ?

1–2 апреля 2011 года

Место проведения: кафе “Март” (ул. Петровка, д.25)

Пятница, 1 апреля 2011 г.

10. 00 Открытие конференции:

Вступительное слово: Ирина Прохорова (“Новое литературное обозрение”)

Утреннее заседание: 10.00 – 14.00

1. Ян Ассманн (Университет г. Констанца, Германия)

Идея “человечества” от Лессинга до наших дней

2. Ханс Ульрих Гумбрехт (Стэнфордский университет, США)

“Литературная антропология” vs невозможность понятия “человечности”

3. Лоран Тевено (Высшая школа социальных наук, Франция)

Регуманизация или реобъективация условий человеческой жизни?

Обращаясь к драматической тенденции нашего времени

Дневное заседание: 15.00 – 18.00

1. Константин Богданов (Университет г. Констанца, Германия)

Интернет, интертекст и смешанная хрия: антропология выбора в неточных науках

2. Марина Могильнер (Журнал “Ab imperio”, Россия)

Антропология как филология, или О пользе метисации

3. Оксана Булгакова (Стэнфордский университет, США)

Тело, медиа и медиальная бестелесность

4. Аарон Шустер (Берлинский институт культурных исследований, Германия)

Жизнь – это болезнь? К идее клинической антропологии. Тезисы

⁹⁷ http://nlobooks.ru/rus/spetsproekty/greater_bannye_readings_of_magazine_of_ufo/2248/.

Суббота, 2 апреля 2011 г.

Утреннее заседание: 10.00 – 14.00

1. Игорь Нарский (Южно-Уральский государственный университет, Россия)

Приглашение к “лирической историографии”, или Об одной тенденции в современном историописании

2. Сергей Ушакин (Принстонский университет, США)

Постколониальные острания: в поисках места между Сталиным и Гитлером

3. Кевин Ф.М. Платт (Университет Пенсильвании, США)

Травма и общественная дисциплина: текст, субъект, память и забвение

4. Валерий Подорога (Институт философии РАН, Россия)

Парадокс наблюдателя: аналитическая антропология литературы. К вопросу о методе

Дневное заседание: 15.00 – 18.00

1. Алейда Ассманн (Университет г. Констанца, Германия)

Вежливость и уважение: новая форма концептов “цивильности” для глобального мира

2. Михаил Ямпольский (Нью-Йоркский Университет, США)

Экспрессивное кино

3. Элейна Лемон (Мичиганский университет, США)

Может ли антропология регуманизировать?

Приложение 2

ЦЕНТР НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРЕДЛАГАЕТ УСЛУГИ ПО ПУБЛИКАЦИИ

Центр научных исследований и разработок EFSC приглашает принять участие в подготовке коллективных монографий и сборников научных трудов. Подробная информация представлена в приложенном информационном письме и на сайте <http://www.efsc.ru>.

Срок подачи материалов – до 16 июля 2010 года. Срок выхода научных изданий – август 2010 года.

1. Реформирование Российского законодательства: проблемы и перспективы (РРЗ-2010-2).
2. Гуманитарные проблемы развития современного общества (ГПР-2010-2).

3. Профессия – педагог (ПРП-2010-2).
4. Теория и практика управления предприятиями и отраслями (книга 2) (ТПУ-2010-2).

Также Вашему вниманию предлагается возможность опубликования статей на страницах сборника научных трудов “Дискуссия теоретиков и практиков” в следующих разделах:

1. Экономика (Э-2010-2).
2. Финансы, денежное обращение и кредит (ФДК-2010-2).
3. Социология, философия и культурология (СФК-2010-2).
4. Менеджмент и маркетинг (ММ-2010-2).
5. Здравоохранение и медицина (ЗИМ-2010-2).
6. Юриспруденция (Ю-2010-2).
7. Филология и лингвистика (ФЛ-2010-2).

Общие требования к статьям:

К публикации принимаются ранее не издававшиеся статьи, выполненные на высоком научном уровне, содержащие результаты исследований по соответствующей проблематике. Минимальный объем статьи составляет 4 (четыре) страницы. Максимальный объем не ограничен. Расчет количества страниц в статье осуществляется авторами самостоятельно в соответствии с установленными требованиями к оформлению. Страница, заполненная наполовину и менее, считается как 1/2 страницы и оплачивается в соответствующем размере. Страница, заполненная более чем наполовину, считается полной страницей. Публикуемые статьи должны быть набраны в редакторе Microsoft Word (*.doc) на листах формата А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 3 см... Заголовок статьи оформляется прописными буквами, размещается по центру страницы без абзацного отступа... Представление списка использованной литературы является обязательным...

Стоимость публикации

Во втором – третьем кварталах 2010 года установлены следующие цены на публикацию материалов в коллективных монографиях и сборниках статей:

ЭЛЕМЕНТ РУБЛЕЙ ЗА 1 СТРАНИЦУ

Статьи в пределах 10 страниц 180

Статьи за каждую страницу начиная с 11-й 150... После предоставления полного комплекта заявки редакция в течение 2 (двух) рабочих дней сообщит Вам о принятом решении. В случае согласия редакции

опубликовать предоставленные результаты научных исследований и разработок Вам будет выставлен счет на оплату. В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

SUMMARY

Proceeding from the perceived division of post-Soviet academia into two competing groups adhering to the “Soviet” and “Western” paradigms, Elena Gapova demonstrates how this controversy, overtly focused on who dominates in national academia and international symbolic markets, results from the general anxiety of postsocialist intellectuals over their social status. Without economic capital, intellectuals rely on “knowledge” as the only asset they can use to negotiate their position. But knowledge is a “dependent” form of capital, and to be able to convert it into social status, academics depend on some “real” social power. One academic faction is interested in academic freedom, autonomy, and corporate solidarity, as the social and cultural capital of its members is involved with the global symbolic market: it is aligned with the liberal (economic) elites that emerged in post-Soviet Russia. The capital of the other group is invested in the slightly modified Soviet academic system and local symbolic fields, and it is supported and legitimized by the national government (this case is most visible in Belarus). There is a problem with this arrangement, though: a divided academia cannot produce the “one and only” truth, and intellectuals are thus unable to assert their social status as experts.